

Воспоминанія бывшего штурманскаго офицера.

Въ молодости, мнѣ довелось провести два лѣта на морскомъ промѣрѣ въ Финляндскихъ шхерахъ. Особая жизнь въ морской пустынѣ, на голыхъ островахъ, оставила хорошее воспоминаніе въ моей жизни. Гранитные камни, безъ всякой растительности, далеко выдающіеся въ море, были мѣстомъ нашего жилья: Мы устраивали два лагеря: одинъ для офицеровъ, другой для матросовъ. Главный запасъ пищи состоялъ изъ морскихъ сухарей и солонины. Когда наступала бурная погода, тогда прекращалось сообщеніе съ соедѣнными островами и мы принуждены были питаться тѣми запасами, которые привозили съ собою. Консервовъ въ то время не было. При выборѣ мѣста для лагеря, главная наша забота состояла въ отысканіи прѣсной воды. На гранитной почвѣ острововъ нельзя было найти ключевой воды, и мы всегда довольствовались дождевою водою, которая скоплялась въ впадинахъ и въ изгибахъ мѣстности.

Для производства морского промѣра мы предварительно строили на островахъ топографическіе знаки и по нимъ уже разставляли на водѣ вѣхи, въ извѣстномъ порядкѣ. Самый промѣръ производился съ весельныхъ катеровъ. Такъ какъ работа шла въ открытомъ морѣ, то ее можно было производить только въ тихіе дни, при штилѣ, какъ говорятъ моряки; поэтому рабочихъ дней въ теченіе лѣта было немного; но за то дневная работа была весьма продолжительна. Обыкновенно мы выѣзжали изъ дому въ 6 часовъ утра, а возвращались къ 8-ми часамъ вечера. Удалялись отъ лагеря въ море на нѣсколько верстъ и тамъ измѣряли глубину воды. Конечно, подобная ра-

бота была сопряжена съ опасностью. Поэтому, каждый катеръ, выѣзжающій на работу, снабжался боченкомъ прѣсной воды и мѣшкомъ морскихъ сухарей. На катерѣ находились мачта съ парусомъ и чугунный баластъ. Въ катерѣ садились восемь гребцовъ съ рулевымъ и штурманскій офицеръ. Опасность состояла въ возможности быть унесеннымъ изъ шхеръ въ открытое море. Поэтому когда во время работъ поднимался вѣтеръ, мы прекращали промѣръ, ставили мачту, поднимали парусъ и плыли въ лагерь. Если вѣтеръ дулъ съ моря, то достичь лагеря было легко; если же вѣтеръ дулъ съ материка, то надо было спѣшить, дабы успѣть засвѣтло вернуться домой. Съ однимъ моимъ товарищемъ С. было неприятное приключеніе: онъ поздно замѣтилъ начинающійся съ берега вѣтеръ, не во-время прекратилъ свои занятія и, когда поставилъ мачту и подняли парусъ, то вѣтеръ значительно усилился и развелъ на морѣ волненіе. Пришлось моему товарищу лавировать. Хотя наши шлюпки вообще хорошо одолѣвали противный вѣтеръ, но этотъ разъ лавированіе не имѣло успѣха; становилось темно, и С. принужденъ былъ пристать къ какому-то острову, чтобы спастись отъ бѣды. Хорошо, что на катерѣ была прѣсная вода и сухари, такъ что этотъ офицеръ съ командою матросовъ могъ утолить свой голодъ въ теченіе сутокъ, которыя онъ прожилъ на пустынномъ островѣ. Въ свободные отъ работъ дни я любилъ совершать прогулки по шхерамъ, стараясь попасть къ тѣмъ островамъ, на которыхъ видна была растительность. Лежащія около лагеря острова вездѣ представляли голые каменья. Насколько были голы камни, видно изъ того, что когда у насъ завелась коза, то чтобы ее прокормить нѣсколько дней мы принуждены были ее отвести за 2—3 версты. Поэтому понятно, что произрастающій вдали на островахъ лѣсъ постоянно представлялъ для меня особую прелесть. Матросы всегда были рады совершаемымъ мною прогулкамъ. Плаваніе подъ парусомъ въ шхерахъ доставляетъ большее удовольствіе, такъ какъ шлюпка быстро мчится, погоняемая вѣтромъ, а вода совершенно тихая, волненія никогда не бываетъ. Конечно, нужно было соблюдать осторожность, чтобы неожиданнымъ порывомъ вѣтра изъ-за какого-нибудь острова, не опрокинуло шлюпки. Но подобнаго приключенія со мною не было. Въ каждую прогулку, я приставалъ къ какому-нибудь острову, имѣющему лѣсъ. Всѣ мы выходили на берегъ и отправлялись гулять, за исключеніемъ одного человѣка, остающагося дежурнымъ на катерѣ. Матросы со-

бирали грибы и ягоды. Грибовъ всегда находили много, потому что мѣстные жители грибовъ въ пищу не употребляли. Гораздо позднѣе, когда въ Финляндіи былъ неурожай, начали пользоваться грибами, какъ пищевымъ продуктомъ. Въ то время мы ѣли исключительно бѣлые грибы. Въ одну изъ прогулокъ мы нашли высокую сосну, на которой было орлиное гнѣздо. Сосна была совершенно голая; но отсутствіе вѣтвей не остановило матросовъ. Одинъ изъ расторопныхъ людей, взявъ въ руки веревки, полѣзъ на сосну и на нашихъ глазахъ вынулъ изъ гнѣзда орленка и благополучно спустился внизъ. Радость была всеобщая. Орленокъ былъ величиною съ большую курицу, но когда распускалъ крылья, то охватывалъ сажненное пространство. Этотъ орленокъ причинилъ мнѣ много хлопотъ, потому что не ѣлъ ни сухарей, ни солонины; нужно было всегда давать ему рыбу, которой у насъ часто и не бывало. Заберется бывало орленокъ въ воду, на мелкое мѣсто, и ждетъ рыбы. Прилетали къ намъ въ лагерь орлы, вѣроятно искать свое дѣтище; но присутствіе людей пугало ихъ и они не пытались освободить нашего плѣнника. Подъ конецъ лагернаго сезона я передалъ орленка нашему врачу. Когда мой денщикъ отнесъ птицу, я его спросилъ: „что жалко тебѣ орленка“, на что матросъ отвѣтилъ: „жалко, Ваше Благородіе“. У денщика руки были исклеваны и исцарапаны хищною птицею, и все-таки мой слуга жалѣлъ орленка. Такова натура человѣка.

Въ другой разъ мы поймали тюленя. Дѣло было такъ. Стояла прекрасная лѣтняя погода. Тюлени, пользуясь тишиною и соблазняясь теплотою воздуха, вылѣзли на гранитный островъ и грѣлись на солнцѣ. Увидавъ добычу, мы пристали къ острову. Матросы осторожно подкрались къ отдыхавшему стаду. При видѣ опасности, животныя быстро ушли въ воду; но одинъ тюлень опоздалъ, былъ окруженъ людьми и забитъ веслами. Добычу мы съ торжествомъ привезли въ лагерь: было много получено сала изъ этого животнаго. Самый ловкій матросъ у меня на катерѣ былъ татаринъ Абрашитовъ. Онъ былъ усерденъ къ службѣ, расторопный, сметливый. Всякое порученіе онъ исполнялъ охотно, толково. За какой-то проступокъ онъ былъ отданъ въ арестантскія роты, гдѣ пробылъ три года, а потомъ вернулся во флотъ, въ строевую службу. Онъ обижался, когда вспоминали арестантскія роты; поэтому я никогда про эти роты не говорилъ, чтобы не обидѣть этого добраго человѣка. Когда мы нашли на высокой соснѣ орлиное гнѣздо, то

Абрашитовъ, по своей охотѣ, полѣзъ на дерево и досталъ орленка. На это лазаніе надо было имѣть много смѣлости и ловкости. Другой случай проявленія ловкости былъ такой. Плылъ мой катеръ при свѣжемъ вѣтрѣ быстрымъ ходомъ. Въ разныхъ мѣстахъ видны были на поверхности воды мелькающія рыбы. Абрашитовъ былъ загребнымъ, т.-е. сидѣлъ въ кормѣ, на передней скамейкѣ. Вдругъ, одинъ матросъ, находившійся на носу шлюпки, закричалъ оттуда Абрашитову, что впереди шлюпки плыветъ рыба. Абрашитовъ живо перебрался на носъ катера, растянулся тамъ на животъ, опустилъ руку за бортъ и голою рукою схватилъ плывущую живую рыбу. Это удаельство привело насъ всѣхъ въ восхищеніе. Одинъ разъ Абрашитовъ оказалъ мнѣ большую услугу. Мы переѣзжали на другой островъ. Свѣжій вѣтеръ быстро несъ наши шлюпки. У меня на катерѣ былъ грузъ пищевыхъ продуктовъ. По моей неосмотрительности, я дурно направилъ катеръ къ острову и присталъ къ берегу въ неудобномъ мѣстѣ. Катеръ сѣлъ на мель; волненіемъ стало бить мою шлюпку о камень; волны вкатывались въ катеръ. Всѣ мы растерялись; но Абрашитовъ быстро взялся за дѣло: онъ спустилъ парусъ, вылѣзъ изъ катера въ воду, столкнулъ катеръ съ каменьева на глубокое мѣсто и такимъ дѣйствіемъ возстановилъ порядокъ и спокойствіе. Во время этой катастрофы подмочило муку морскою водою; но денежный расходъ былъ ничтожный: всѣ мы были рады, что благополучно отдѣлались отъ опасности. Былъ еще такой случай. Вечеромъ, мы, офицеры, сидѣли въ столовой палаткѣ, какъ пришелъ посланный изъ матросскаго лагеря съ извѣстіемъ, что Абрашитовъ напился пьянъ, не слушается боцмана, идетъ на него съ ножомъ, грозя его зарѣзать. Старшій офицеръ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ пойти въ лагерь и арестовать тамъ Абрашитова. Я туда пошелъ. При моемъ приближеніи, пьяный матросъ оказался совершенно спокойнымъ. Я, не возвышая голоса, сдѣлалъ ему выговоръ, стыдилъ его за дурное поведеніе, упрекалъ въ непослушаніи. Абрашитовъ выслушалъ меня спокойно и что-то бормоталъ въ отвѣтъ. Я отобралъ отъ него ножъ, велѣлъ подать мнѣ веревку, которою и связалъ ему руки, но не крѣпко, а слегка. Абрашитовъ былъ покоренъ, какъ овца. Его уложили спать. На утро буянившій матросъ былъ смиренъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Вспоминая теперь этого матроса, я отношусь къ нему съ любовью, какъ къ человѣку, обладавшему добрымъ сердцемъ.

Вспоминаю другого матроса, который былъ подверженъ морской болѣзни. Должно быть, товарищи трунили надъ нимъ по этому поводу. У матросовъ было повѣрье, что если страдающій подобнымъ недугомъ поѣстъ илу съ морского дна, то вылѣчится. И вотъ мой матросъ началъ лѣчиться рекомендуемымъ способомъ. На моихъ глазахъ, онъ снималъ пальцами съ чугуннаго лота прилипшій глинистый илъ, вынутый со дна, и клалъ илъ къ себѣ въ ротъ. Товарищи глядѣли на него съ любопытствомъ. Не знаю, принесло ли пользу подобное лѣченіе. Какъ-то одинъ изъ нашихъ офицеровъ завелъ себѣ бульдога. Я ничего не зналъ объ этомъ псѣ. Сижу разъ за обѣденнымъ столомъ и чувствую, что кто-то трогаетъ меня за колѣни. Посмотрѣлъ внизъ и увидалъ у себя на колѣняхъ страшную морду бульдога. Неожиданность подобнаго сосѣда меня испугала. Скоро я привыкъ къ этому псу и часто съ нимъ игралъ, бросая ему въ море палки. Собака бросалась въ воду и вплавь приносила мнѣ брошенную вещь. Однажды я бросилъ большое полѣно. Бульдогъ поплылъ за нимъ, но привести его къ берегу не могъ, потому что полѣно было толстое и онъ не могъ ухватить дерево зубами. Прошло нѣсколько минутъ: усилія были напрасны, а между тѣмъ, вѣтеръ относилъ полѣно далѣе отъ берега. Я струхнулъ за собаку. Кромѣ того, меня смущала мысль объ уплатѣ нѣсколькихъ десятковъ рублей за это животное. Однако приключеніе окончилось благополучно; но я сталъ осторожнѣе съ собакою. Замѣчательный случай: бульдогъ, наводившій страхъ своею широкою мордою съ торчащими зубами, самъ однажды испугался телянка, который прожилъ на островѣ короткое время. Нашъ лагерь часто посѣщали окрестные жители и привозили на продажу съѣстные продукты. Въ дни, когда наступала бурная погода, привоза провизіи не было, потому что прерывалось всякое сообщеніе между островами; и если не было запасовъ, то приходилось питаться солониною. Сильный вѣтеръ причинилъ намъ разъ безпокойство. На нашемъ островѣ истощился резервуаръ дождевой воды. Приходилось мѣнять мѣсто лагеря, что было сопряжено съ большими хлопотами. Поэтому рѣшили пользоваться дождевою водою сосѣдняго острова, куда и посылали по временамъ катеръ съ боченками. Однажды, когда стояла свѣжая погода, то-есть былъ сильный вѣтеръ, насъ обезпокоило замедленіе въ возвращеніи катера, посланнаго за водою. Старшій офицеръ поручилъ мнѣ убѣдиться на мѣстѣ, почему образовалась задержка. Въ нѣсколько минутъ мой катеръ былъ

готовъ и полетѣлъ на другой островъ. Задержка оказалась простою: посланный катеръ наполнилъ уже бочки прѣсною водою, но не могъ выгрести противъ поднявшагося вѣтера, который развелъ сильное волненіе. Пріѣздъ мой помогъ дѣлу: я нагрузилъ на свой катеръ значительную часть груза и, пользуясь свѣжимъ вѣтромъ, быстро привезъ нужную волю. Окрестные жители занимались рыбною ловлею и часто привозили намъ рыбу на продажу, за которую мы платили высокую цѣну: по 2 к. за фунтъ. Я говорю высокую, потому что мѣстная цѣна была полъ-копѣйки. Всѣ пріѣзжавшіе, какъ мужчины, такъ и женщины, прекрасно дѣйствовали веслами. Въ праздничные дни они пѣли у насъ хоромы пѣсни; иногда и плясали. Надо замѣтить, что пѣніе было вообще у насъ въ ходу, какъ пріятное развлеченіе. Игральныхъ картъ у насъ не было; потому что карточная игра вообще была запрещена на военномъ флотѣ. Пѣли пѣсни матросы у себя въ лагерь; иногда, по зову, приходили пѣсельники въ офицерскій лагерь. Часто, по вечерамъ, начиналось пѣніе и у насъ, офицеровъ, въ большой столовой палаткѣ. Но обыкновенно долго пѣніе не продолжалось, и мы всѣ ложились рано спать, потому что надо было быть готовымъ подняться на другой день раннимъ утромъ. Одно посѣщеніе рыбаками нашего лагеря осталось мнѣ памятнымъ. Днемъ, когда моя палатка стояла пустая, въ нее вошла молодая красивая женщина и сѣла на кровать. Войдя къ себѣ домой, я съ удивленіемъ увидѣлъ прекрасную гостью. Будучи молодымъ и неопытнымъ, я побѣжалъ въ столовую и объявилъ моимъ сослуживцамъ объ этомъ визитѣ. Однако мое сообщеніе было выслушано съ неудовольствіемъ, и никто не раздѣлялъ моей радости. А старшій офицеръ высказалъ суровое порицаніе за подобный визитъ. Возвратясь въ свою палатку, я не нашелъ своей гостии. Въ послѣдующее время, я встрѣчалъ иногда на островѣ эту посѣтительницу и приглашалъ ее къ себѣ, но напрасно: въ отвѣтъ я видѣлъ только знаки отрицанія. Послѣ этого случая, никакая женщина не входила въ мою палатку. Проживая на островѣ около трехъ мѣсяцевъ, мы познакомились съ мѣстнымъ пасторомъ, который по-русски не говорилъ. Между нами былъ одинъ офицеръ, русскій, женатый на нѣмкѣ и знающій нѣмецкій языкъ. Надо замѣтить, что въ корпусѣ флотскихъ штурмановъ не служило ни нѣмцевъ, ни поляковъ. При участіи этого офицера, завязалось знакомство. Пасторъ былъ воспитанникомъ какого-то шведскаго университета. Онъ имѣлъ намѣреніе поступить въ Россію въ военную службу,

но его отговорили, пояснивъ, что лучше въ Швеціи служить солдатомъ, чѣмъ въ Россіи офицеромъ. Конечно, намъ было не-пріятно выслушать такое откровеніе. Какъ-то пасторъ пригласилъ меня пріѣхать въ кирку на богослуженіе, но я отказался. Въ одинъ изъ своихъ посѣщеній пасторъ привезъ къ намъ студента Гельсингфорскаго университета Уделіуса. Я познакомился съ этимъ молодымъ человѣкомъ и скоро съ нимъ подружился, хотя бесѣда у насъ шла съ трудомъ, на французскомъ языкѣ, на которомъ мы оба изъяснялись плохо.—„На какомъ ты факультетѣ“, — спросилъ я. — „На эстетическомъ“, — былъ отвѣтъ. — „Что такое любовь?“ — спросилъ я. — „Это такое чувство“, — отвѣчалъ студентъ, — „которое позволяетъ намъ здѣсь на землѣ, наслаждаться благами боговъ“. Уделіусъ имѣлъ гдѣ-то недвижимую собственность, — островъ, цѣною въ пять руб. Кажется, тогда же я узналъ, что трудъ профессоровъ въ Гельсингфорсскомъ университетѣ оцѣнивается стоимостью хлѣба. Когда хлѣбъ дешевъ, тогда профессоръ получаетъ меньше, когда хлѣбъ дорогъ, тогда профессоръ получаетъ больше. Сложившуюся дружбу между мною и студентомъ наши офицеры объяснили такъ. По мнѣнію студента, говорили они, для преобразования Россіи и для сдѣланія ее счастливою надо истребить 50 тысячъ людей, а по вашему мнѣнію достаточно тысячъ 20. Разница небольшая: „ну, вотъ вы и подружились“. Конечно, я протестовалъ противъ подобнаго разсужденія. Одно время жилъ съ нами въ лагерь защитникъ Севастополя, лейтенантъ, раненый въ голову. По временамъ мы слушали съ глубокимъ интересомъ разсказы лейтенанта про кровавые эпизоды защиты крѣпости, при чемъ разсказчикъ не могъ говорить спокойно, равнодушно, а волновался и, наконецъ, плакалъ. Разсказъ прерывался. Опасаясь повредить здоровью раненнаго воина, мы не пытались возобновлять эти повѣствованія. Одно лѣто пріѣхала къ намъ въ лагерь жена нашего офицера съ ребенкомъ и съ племянницею. Съ прибытіемъ дамъ, намъ стало веселѣе и бесѣды наши оживились. Новыя лица насъ не стѣсняли, потому что островъ былъ великъ, простору было много; а матроскій лагерь лежалъ совсѣмъ въ сторонѣ. Прибывшая дама принялась хозяйничать, пошла въ кухню и удивилась тамошнему безпорядку. Она съ ужасомъ разсказала о господствующей тамъ грязи. Однако быстрое приведеніе кухни въ порядокъ оказалось затруднительнымъ: кохъ (поварь) явился къ начальству и просилъ объ отчисленіи своемъ обратно въ команду, такъ какъ теперь ему

стало труднымъ быть при г.г. офицерахъ. Не помню, чѣмъ кончилось это дѣло. Мои прогулки по островамъ обратили на себя вниманіе поселившейся у насъ дамы, которая обратилась ко мнѣ съ просьбою приказать матросамъ въ предстоящую поѣздку набрать грибовъ въ лѣсу. У меня не было желанія исполнить эту дамскую просьбу, такъ какъ я бралъ матросовъ на прогулку, куда люди постоянно съ охотой шли и я не хотѣлъ заставлять ихъ работать для себя, хотя-бы и нетруднымъ дѣломъ. Поэтому я вернулся съ прогулки съ пустыми руками. Дама не подавала вида, что на меня разсердилась, но мнѣ отомстила. По утрамъ, мы всѣ пили чай. Новая хозяйка ввела перемѣну и стала по утрамъ варить кофе. Новымъ напиткомъ она угощала всѣхъ офицеровъ, кромѣ меня. Такъ я и остался во все лагерное время безъ кофе. А выпить кофею мнѣ очень хотѣлось, потому что во все время пребыванія на островахъ этого напитка не было. Служа въ промѣрной партіи, я получилъ первый ревматизмъ. Случилось это такимъ образомъ. Партія наша перѣѣзжала на другое лагерное мѣсто. Разстояніе было 15—20 верстъ. Былъ попутный вѣтеръ съ большимъ туманомъ. На мнѣ было надѣто пальто изъ толстаго драпу. Для надобностей лагерной жизни я привезъ изъ Петербурга коверъ. Ёдучи на катерѣ въ сильный сырой вѣтеръ, я прикрылся ковромъ сверхъ пальто. Но, увы, коверъ своего назначенія не выполнилъ и не уберегъ меня отъ простуды: должно быть, коверъ былъ не шерстяной, а бумажный. Когда мы пріѣхали въ деревню на ночлегъ, то я помѣстился въ особомъ домѣ, гдѣ хозяйка мнѣ приготовила мягкую постель. Ночью я почувствовалъ какую-то боль въ спинѣ. Я ворочался въ разныя стороны, но боль не проходила. Тогда я рѣшилъ, что въ кровати есть камень. Вставши утромъ, я сталъ искать этого камня, но его не нашелъ. Тогда мнѣ стало понятно, что я простудился и получилъ ревматизмъ. Въ августѣ мѣсяцѣ дни становились короче, а ночи холоднѣй; поэтому въ срединѣ этого мѣсяца прекращались промѣрныя работы на морѣ и мы снимали нашъ лагерь.

Мы, штурманскіе офицеры, отправились въ Петербургъ, въ Гидрографическій департаментъ, а матросы въ свой флотскій экипажъ. На этихъ работахъ я имѣлъ возможность убѣдиться въ справедливости теоріи Бокля: о вліяніи природы на человека. Въ ненастную погоду, когда выйдешь изъ палатки, то видишь кругомъ себя волнующееся море, грязно-зеленаго цвѣта, да гранитныя глыбы, торчащія изъ воды. Мѣстами видны раз-

би вающіеся буруны; небо сплошь покрытое мрачными тучами которыя висѣли въ воздухѣ и, казалось, каждую минуту накроютъ островъ. Крики носившихся чаекъ раздражали слухъ. Словомъ, некуда было обратить свой взоръ, чтобы получить пріятное впечатлѣніе. Я былъ молодъ, здоровъ, никакой заботы у меня не было; но невольно наступала какая-то хандра.

Обычный нашъ путь къ работамъ морского промѣра шелъ по Финляндскимъ шхерамъ, и я хорошо познакомился съ этой дорогой, что зналъ наизусть всѣ лоцманскія станціи отъ Кронштадта до Гельсингфорса и думалъ, что никогда этихъ станцій не забуду. До сихъ поръ у меня сохранился въ памяти Барезундъ, красивый и такой узкій проходъ, что казалось возможнымъ выскочить на землю одновременно съ обоихъ бортовъ судна. Одинъ разъ мнѣ случилось быть въ городѣ Або, гдѣ для насъ приготовили чай въ кастрюлѣ. Гельсингфорсъ я посѣщалъ нѣсколько разъ и тутъ имѣлъ возможность убѣдиться въ той враждѣ, которую питаютъ городскіе жители къ русскимъ офицерамъ. Въ Гельсингфорсѣ легко можно купить русскія книги, изданныя за границею и запрещенныя цензурою. Доступъ къ Гельсингфорсу съ моря защищаетъ крѣпость Свеаборгъ, расположенная на гранитныхъ островахъ. Между крѣпостью и городомъ находился большой рейдъ. Войти на рейдъ съ моря можно только черезъ единственный широкій проходъ, называемый Густа-Свердскимъ. Въ Крымскую войну, англо-французскій флотъ держалъ въ блокадѣ все Балтійское море съ заливами.

Нельзя сказать, что непріятель ничего не сдѣлалъ Свеаборгу: была бомбардировка крѣпости съ канонерскихъ лодокъ, расположенныхъ на дальнемъ разстояніи. Сперва русскіе отвѣчали на выстрѣлы, но, убѣдившись, что снаряды наши не долетаютъ до лодокъ, стрѣльбу прекратили. Въ главномъ проходѣ на рейдъ стоялъ 100-пушечный корабль „Россія“, который мы принуждены были отвести прочь. Послѣ бомбардировки, обнаружилось, что непріятельскія бомбы пробиваютъ всѣ три корабельныя палубы. Тогда послѣдовало распоряженіе изготовить на корабляхъ особую сѣтку изъ смоляныхъ канатовъ, которую надлежало протянуть надъ верхнею палубою, въ видѣ тента.

Въ Гельсингфорсѣ можно было покупать дешево нѣкоторые товары. Я разъ тамъ купилъ двѣ бутылки ликера, ягоды мамуры и провезъ ихъ контрабандой въ Кронштадтъ. Этотъ провозъ я сдѣлалъ изъ удалства, такъ какъ самъ я спиртныхъ напитковъ не употреблялъ. Вообще же нарушеніе таможенныхъ пра-

вилъ строго преслѣдовалось въ то время. Особенно тяжело доставалось матросамъ, пытавшимся провозить потихоньку чай. Этотъ напитокъ былъ очень дешевъ за границей и дорогъ въ Россіи, потому что провозъ чая черезъ западную границу былъ запрещенъ. Матросъ, попавшійся съ контрабанднымъ чаемъ, предавался морскому суду, который приговаривалъ виновнаго къ заключенію въ арестантскія роты. Такъ казна охраняла интересы московскихъ купцовъ! Только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ система измѣнилась, и былъ дозволенъ провозъ чая черезъ западную границу.

П. Наумовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

